

Мужской лоб и переносица обычно выше, чем у женщин. Черты лица Ли Чжи были искусно подчеркнуты так, что его резкость смягчилась, добавив ему некоторой нежности.

Ли Чжи сидел на табурете, крайне неестественно отводя взгляд и избегая зрительного контакта, но щёки его неудержимо пылали, и жар доходил до самых ушей.

— Это что, не накладные? — неожиданно спросил Линь Чаошэн.

Ли Чжи пару раз моргнул и с некоторой неловкостью ответил:

— Нет... просто тушь.

— Когда ты снимал линзы, я подумал, что у тебя накладные ресницы. Ли Чжи, да у тебя они такие длинные!

Интонация Линь Чаошэна была настолько искренней, что Ли Чжи почувствовал: перед ним человек, который всерьёз делает ему комплимент, а не подшучивает. Однако лёгкая, чуть насмешливая улыбка в глазах Линь Чаошэна выдавала его истинные мысли.

— А мы разве не знакомы? — с досадой сказал Ли Чжи.

— Знакомы. Я узнал тебя с первого взгляда, — на губах Линь Чаошэна играла улыбка. — Как я мог забыть?

Услышав это, досада Ли Чжи мгновенно улетучилась. — Тогда почему...

— Я подумал, что если у тебя есть... такое увлечение, как переодевание, — Линь Чаошэн едва не сорвалось слово «фетиш», но он вовремя его удержал, — то тебе, наверное, не хочется, чтобы тебя узнавали. Было бы неловко.

— Спасибо, но у меня нет такого увлечения, — сквозь зубы произнёс Ли Чжи, стараясь говорить как можно спокойнее.

Линь Чаошэн едва сдерживал смех. — Да, вижу — делаешь это без всякого энтузиазма.

Молочко для снятия макияжа пахло насыщенно, но не резко — ароматом помело. Линь Чаошэн был сосредоточен, его движения были лёгкими и терпеливыми, он снимал макияж куда нежнее, чем Дай Юэжань когда-то наносила тональный крем.

У Ли Чжи были миндалевидные глаза, округлые, от природы мягкие. Без макияжа они казались ещё более ясными и живыми, а когда он улыбался, внешние уголки глаз слегка загибались вверх, словно месяц.

Ли Чжи вышел из ванной, умывшись, и почувствовал, как ступни затекли. Линь Чаошэн уже подготовил для него одежду: просторную бежевую рубашку и светло-голубые джинсы. — Эту рубашку я постирал, но ещё не носил. Может, будет великовата. А брюки укороченные, тебе как раз подойдут.

Заметив, что Ли Чжи идёт неестественно, Линь Чаошэн добавил:

— Давай сначала переобуемся. — И снял с полки пару чёрных сандалий.

Снимая туфли, Ли Чжи лицом не дрогнул, но тихонько втянул воздух. Линь Чаошэн инстинктивно взглянул на его ноги — на пятках уже натёрлись кровавые волдыри.

Линь Чаошэну стало немного тревожно, но Ли Чжи отмахнулся:

— Ничего. Вернусь — наклею пластырь.

Ли Чжи повернулся спиной, чтобы переодеться. Шторы, хотя и были задернуты, пропускали немного света. Его силуэт купался в узкой полоске солнца, отчего казался особенно тёплым.

Рубашка пахла лёгким ароматом лимонного порошка. На Ли Чжи она сидела свободно, полы спускались до бёдер, прикрывая ягодицы и подчёркивая его худощавость. Укороченные джинсы, которые на Линь Чаошэне были восьмушками, на Ли Чжи доходили как раз до щиколоток.

Переодевшись, Ли Чжи взглянул в зеркало на незнакомую одежду и почему-то покраснел. — Спасибо, — сказал он Линь Чаошэну.

— А как собираешься благодарить?

— А? — Мысли Ли Чжи всё ещё витали вокруг отражения в зеркале, и он не сразу сообразил. Очнувшись, он решил, что действительно должен как следует отблагодарить, и осторожно спросил:

— Может, я угощу тебя ужином?

— Не надо, я пошутил, — усмехнулся Линь Чаошэн. — Ты же с астрономического? Можно мне потом иногда приходиться на ваши лекции? — спросил он вроде как в шутку.

Ли Чжи подумал и сказал:

— Можно, конечно. Но занятия для магистров, если ты с ними не сталкивался, могут показаться сложными. Лучше сходить на вводный курс для первокурсников. Я потом узнаю расписание. Кстати, на втором курсе есть общеуниверситетский факультатив — «Введение в астрономию», его ведёт мой научрук. Очень хороший курс. Если интересно, можешь на него ходить. Правда, народу там обычно много, приходи пораньше, чтобы место занять.

— Хорошо, я посмотрю своё расписание. Если время будет — обязательно схожу, — Линь Чаошэн, видя его серьёзность, тоже проникся этой идеей.

— Но я всё-таки должен тебя угостить, — снова завёл Ли Чжи, чувствуя себя обязанным.

— Тогда оставим в долг. Как выдастся свободное время — вернёшь.

Вечером в мужском общежитии наступало самое оживлённое время суток.

— Мне кажется, ты сегодня какой-то странный, — сказал Тао Чэньюй, обгладывая купленную в студгородке острую утиную шейку.

Линь Чаошэн перевёл взгляд с экрана ноутбука на полуобглоданную шейку в руках Тао Чэньюя. Он никак не мог понять, зачем тот сыпет толстый слой перца на и без того острую закуску. Сам он, единожды попробовав, выпил целый стакан воды.

— Что странного?

— Ты не заметил, что сегодня был особенно любезен?

— Нет, — Линь Чаошэн не понимал, к чему тот клонит.

— Ты же в обед ел с тем старшекурсником? — Пообедав, Тао Чэньюй выходил через чёрный ход столовой и как раз увидел, как Линь Чаошэн и уже без макияжа Ли Чжи покупают рис с курицей-чашао у правого окошка.

— Да, у него на студенческой карте не было денег, я просто за него расплатился, — равнодушно объяснил Линь Чаошэн.

Тао Чэньюй промычал «ага» и продолжил:

— А потом ещё и на своём электроскутере отвёз его в общагу? — Проснувшись после послеобеденного сна, он не застал Линь Чаошэна в комнате, вышел на балкон, глянул вниз — и не увидел их зелёный запертый электроскутер, припаркованный в тени деревьев. Скутер они купили вскладчину, значит, забрать его мог только Линь Чаошэн.

— Вовсе нет, — поправил Линь Чаошэн. — Он живёт за пределами кампуса. — Да и ноги у него стёрты, идти пешком было бы мучительно. Но ты-то этого не знаешь, правда?

— Ага.

Увидев странное выражение лица Тао Чэньюя, который долго молчал, Линь Чаошэн весь покрылся вопросительными знаками. Он так и не понял, что тот пытается сказать всеми этими намёками. — Я просто добряк по натуре, люблю помогать людям до конца. Разве нельзя?

— Тьфу, свеженькое же у тебя увлечение, — Тао Чэньюй выплюнул утиную косточку и уставился на Линь Чаошэна. — Уж не испытываешь ли ты к тому старшекурснику...

Линь Чаошэн не мог не рассмеяться. Наконец-то он понял, к чему клонит Тао Чэньюй, и не дал ему договорить. — Стоп. Повторяю в последний раз: я натурал, мне нравятся девушки.

Тао Чэньюй удивился ещё больше:

— Но на военных сборах я не видел, чтобы ты хоть к одной девушке так относился. — И тут же спросил:

— Помнишь Чжао Кэсинь?

Линь Чаошэн нахмурился. — Кто? — Имя ему ни о чём не говорило.

На лице Тао Чэньюя отразилось «я же говорил». — Айс американо, — напомнил он.

Линь Чаошэн вспомнил. На сборах одна девушка принесла ему айс американо, но он не принял. — Я же не испытываю к ней чувств, как я могу брать у неё подарки?

— Но вокруг же было полно народу, — напомнил Тао Чэньюй. Он помнил, что утренние занятия только что закончились, большинство студентов ещё не разошлись, и многие видели эту сцену.

Всё началось с того, что университетские медиа во время сборов ловили кадры для рубрики «Самый красивый кадр со сборов» и как раз сняли Линь Чаошэна — профиль, без лишних эмоций, но получившийся как силуэт из журнальной фотографии. Снимок разлетелся по соцсетям.

В те дни не одна Чжао Кэсинь пыталась как-то обратить на себя внимание Линь Чаошэна. Но тот, казалось, вообще не замечал девушек. За первые полмесяца учёбы он ни с одной не заговорил, выглядел очень холодно. Зато с парнями он сходилась легко, и его поведение с ними было совершенно другим.

— Именно поэтому, — уверенно заявил Линь Чаошэн. — Если бы я принял, это ввело бы её в ещё большее заблуждение, верно?

Тао Чэньюй поразмыслил — и вроде бы согласился. — Но всё же нужно быть тактичнее. Девушкам тоже нужно сохранять лицо. Мне показалось, она в тот день чуть не заплакала.

— ... — В тот момент Линь Чаошэн действительно не обратил на это внимания. Теперь, подумав, он понял, что, возможно, был недостаточно деликатен. — В следующий раз буду внимательнее.

— В следующий раз? — Тао Чэньюй, доев последнюю шейку, с негодованием стянул пластиковые перчатки. Ему чуть не захотелось выругаться. Но, подняв голову и увидев профиль Линь Чаошэна в свете лампы — угол как раз совпадал с тем удачно пойманным на фото, — он тут же успокоился. Ладно, что ж, с такой внешностью, конечно, будет и следующий раз.

— Кстати, я хочу задать тебе вопрос. Возможно, он покажется бестактным, — вернувшись после мытья рук, сказал Тао Чэньюй.

— Если считаешь бестактным — не спрашивай.

В Тао Чэньюе внезапно проснулся дух противоречия. — Нет, я обязательно спрошу!

— Ладно-ладно, спрашивай, — сдался Линь Чаошэн, устало потирая переносицу.

<http://bllate.org/book/15953/1426507>